

Главы 5-6

Федрус – ничей сын. Главы 5-6

Жанр произведения: Историческое

Произведение написал автор BookBox Андрей Драгунов

Ссылка на публикацию

Глава 5. Старший брат По глубокому дыханию Евтихия Марк понял, что тот волнуется. И вот двойник его ещё раз вздохнул и негромко сказал:
– Нет, господин мой, мы с тобою раньше нигде не виделись. Сейчас ты и сам всё поймёшь. Мы можем с тобою сделать здесь долгий привал. А завтра и решим,

что будем делать…

Да, мой господин, я никогда раньше тебя не видел. Но вот мама моя, Милана, и тебя, и двух младших братьев твоих, и маму твою – Титу Луцию, – много раз видела. Ведь она много вещей, как портниха, для вас сшила…

Что до меня, то я всего лишь вольноотпущенник из Рима, по имени Федрус. Здесь, на Святой Земле, я стал иноком с именем Евтихий. Мама мне говорила, что мой отец – человек знатного рода, и что я на него очень похож. Но вот по характеру я весь в маму – такой же тихий, с душою мягкою, как хлопковая ткань, и даже, как говорили ей мастеровые – боязливый.

Должно быть, Марк, ты уже всё понял… Тут, на Святой Земле, я живу четыре года. И если ты желаешь услышать всю мою историю, то я расскажу тебе её.

Моя мама, Милана, была родом из драгоценной Фракии – страны высоких гор, величественных вечнозелёных дубрав и быстрых и чистых рек. Её родина имеет самые тучные земли во всей Римской Империи.

В прежние времена Фракия была очень обширна и густо заселена. Тогда в ней было сорок племён. Фракийские земли всегда граничили с Греко-Македонским союзом, они тянутся от моря Эгеум (Эгейского) до реки Истр (Дунай). (В настоящее время большая часть Фракии – это Болгария, восточная её часть присоединена к Турции, а южная – к Греции).

Предания говорят, что фракийское мужчины древности были столь безупречно храбры, грубы и воинственны, что даже боги не решались спускаться в наш край. Ну, а женщины Фракии имели независимый нрав, хранили верность своим мужьям и были беспримерно плодовиты.

Символ Фракии – это фракийский колпак. Должно быть, тебе, господин мой, приходилось видеть мягкие конические шапки с загнутой вершиной. Так вот это и есть они – наши фракийские колпаки. Всякому фракийцу колпак помогает думать, и ещё он означает для него – свободу. Все мужчины Фракии, а иногда и женщины носят их в любую погоду, и снимают только тогда, когда голова сильно чешется, или они ложатся спать. Фракийские шапки многие народы любят. И вот сейчас в них ходит весь Новый Рим. (В конце восемнадцатого века фракийский колпак стал символом Великой французской революции. Тогда мужчины и женщины выходили на баррикады Парижа в фракийских колпаках.)

Все фракийские племена очень свободолюбивы. И так как все они не хотели иметь над собой никакой власти, то во Фракии никогда и не было единого государства. Но вот в древности, когда во фракийских семьях рождалось очень

много детей, из-за нехватки земли иные из фракийских племён переправились через морской пролив (Босфорский пролив). Там они смешались с местным населением и основали могучее Фригийское царство. Фригийский колпак имеет ту же форму, что и фракийский, и он тоже означает свободу. И вот что интересно. Разобщённую Фракию, жившую действительно свободно, Господь сохранял почти до наших дней, А вот могучего Фригийского царства, свободного только по названию, давно уже нет.

Уже позже греки благодаря разобщённости фракийцев смогли отвоевать у них небольшие участки земли на побережьях Эгеума (Эгейского моря) и Понта Эвксинского (Черного моря) для своих полисов. Потом эти полисы много раз объединялись с городами македонян и посылали вглубь Фракии свои армии. Но не тут-то было. Фракийцы всегда готовы защищать свою родину, и они очень отважны. И вот потому незваные гости всегда убегали из зелёных долин Фракии, и не столько побитые – сколько напуганные.

Позже Фракию обложила, со всех сторон со своими легионами, Римская империя. Но оказалось, что римские центурии можно было бить из засады, пока они не построились, а на те из них, что вставали гарнизонами в селениях – нападать врасплох. Все враги Фракии всегда боялись не её мечей, а того, что под фракийскими колпаками делается! Во время вражеских нашествий все фракийцы покидали свои селения и отбивались от них в своих горных крепостях. Периоды мира и войны во Фракии шли волнами, и все они всё более превращали её плодородные земли в пустоши.

И вот уже лет триста, или даже более, на фракийских пустошах стали селиться славянские племена. «Колпаки» со славянами поладили и стали союзниками в войне. И всё это время белые домики славян росли на землях Фракии как грибы. А вот в наше время все племена во Фракии уже перемешались: все они теперь ходят во фракийских колпаках и все говорят на одном славянском языке.

В правление императора Юстиниана первого войска восточных ромеев вновь вторглись в свободную часть Фракию, и сопротивление «Колпаков» было сломлено. Победители поставили во всех крупных фракийских селениях свои крепкие гарнизоны и всюду захватили для нужд своих много рабов. Моей маме было тогда двенадцать лет…

Как-то мама мне говорила, что её господин был так добр к ней, что она его полюбила… А когда родился я, то мой знатный отец не пожелал, чтобы сын его был рабом. Вот потому он написал нам с мамой вольные грамоты. А ещё он купил нам хороший дом в ремесленном квартале Рима, и дал маме денег, чтобы она смогла вольной портнихой стать. А когда я мал был, то он и няню для меня

присылал…

Мама моя хорошей портнихою была. Она очень красиво и быстро всякую одежду шить умела, и даже заказы на шитьё из отрезов златотканых брала. И она меня всему, что сама умела – научила. Вот посмотри, какой на мне плащ. Он ведь фракийского покроя! Моя мама одна такие плащи во всём Риме шила. А вот теперь и я их шью. Когда я в монастырь – в дом Отца Небесного из странствий возвращаюсь, то с благословения отца-настоятеля на послушанье только в рухлядную и хожу. Сейчас при ней уже небольшая портняжная мастерская есть.

Три года в детстве я с большим увлеченьем ходил в школу, что собиралась на перекрёстке улиц сапожников и портных, пока всё в ней не превзошёл. После призывного пения труб первой дневной стражи мы – двадцать мальчиков и девочек разных возрастов – каждый день рассаживались прямо на улице, на свои скамеечки. Мы приходили туда с вощёными дощечками, линейками и счетными палочками. Вскоре появлялся и наш старый добрый учитель. Все мы вставали перед ним, а он говорил нам: «Привет, ребята, садитесь». Потом он всегда что-то рассказывал, очень и очень интересное – о том, какие раньше Римские императоры были, о том, как люди жили в их времена, о животных, о растениях, о камнях и звёздном небе, и обо всём том, что видели купцы в самых дальних заморских странах. А после этого он открывал нам тайны счета, письма и чтения, и давал каждому свои задания. Чтобы не пропустить первый рассказ нашего учителя, мы никогда на занятия не опаздывали.

Придя из школы, я сразу же развешивал у крыльца нашего дома вещи, сшитые мамой, а позже и свои, и продавал их. Дом наш у рыночной площади стоял. Место там было бойкое, и потому прохожие шитьё наше быстро раскупали. Все мастера, живущие вдалеке от рынка, нам из-за этого завидовали.

Мама мне говорила, что она всё время мечтает возвратиться со мною в её драгоценную Фракию, в город Филиппополь. Прогневать моего знатного отца чем-либо, и тем более отъездом с сыном, она очень боялась, но всё равно деньги откладывала. Мама хотела, чтобы я в Филиппополе свободным портным стал. Ну, а мне сидеть целыми днями в мастерской было скучно. Ведь я по характеру своему – непоседа. Люблю посещать новые места, о чём-нибудь со встречными говорить и что-то интересное у всех выспрашивать. Но куда более я дикие места люблю, и ни в лесу, ни у речки мне не бывает скучно.

И вот однажды мама мне ласково так говорит:

– Федрус, сыночек, а кем ты сам хочешь стать?

И вот тогда я натворил дел. Вот она – самая большая моя ошибка в жизни… Хотя, один из старцев мне повелел себя за неё простить…

В детские годы я часто играл с мальчишками «в легион» на нашем пустыре. Но там я был самым неумелым воином, и за это все считали меня слабаком. Когда же я подрос, то перестал ходить на пустырь. И вот однажды под нашими окнами какой-то мальчишка вдруг прокричал: «Братва, айда на пустырь! Туда сейчас настоящий лук со стрелами принесут!!» И вот тогда я на месте не усидел. Из своего самодельного лука я всё же стрелял неплохо, а вот настоящего – никогда в руках не держал. И тогда двое старших ребят показали всем нам, как стреляют боевые лучники. Мне по старшинству они первому дали старый лук с двумя стрелами. И обе их я издали всадил точно в столб. Потом мне дали ещё две стрелы, потом ещё… В тот день пришёл я домой очень разгоряченный, и потому маме ответил с бравадою поговоркой:

– «Бедная юность – военные калиги!!»

А поскольку она даже рот ладошкой прикрыла, то я ей ещё и стих прочитал:

«Гордость римлян всем известна. Империи сильнее нет! Их легионы всегда к месту – Они на всё дадут ответ! …»

Ещё, помнится, я спел ей строевую песню «Орел шестого легиона». Ну, ту самую:

«Калиг солдатских мерный топот

Заставит дрогнуть дух врага…»

– Так ты что, Федрус, римским легионером стать хочешь?! – дрогнувшим голосом спросила она меня.

– Так точно! – ответил я ей и объяснил, что хочу стать воином вовсе не из-за денег, а чтобы мир весь повидать и за морем побывать.

И тогда она прикрыла глаза руками и стала плакать… Потом я ей не раз говорил, что куда больше хочу скороходом стать или уж странствующим монахом… А она вторым словам моим не поверила и каждый день горько плакала.

О желании моём она потом подругам своим рассказала. А от них уже об этом узнал весь наш квартал. Потом каждый встречный ей говорил:

– Ах, Милана, какой молодец у тебя Федрус! Он лучше всех по нашей улице марширует! Если он своего добьётся, то в люди выбьется!

С тех пор я больше с мальчишками «в легион» не играл и о военной службе не думал. Маму свою я очень любил, и никогда бы её одну не оставил.

В ту пору я всё больше в церковь ходить стал. А после служб в её дворе люди собирались группами и говорили о том, какие на Святой Земле живут великие перед Богом подвижники. Некоторые из римских христиан, чтобы самим повидать Вертеп Господень, Гроб Господень, все другие святыни, да и святых, испросив благословление у настоятеля, уплывали из Остийской гавани на кораблях. И иные там и оставались…

Так прошло года два, и тогда моему знатному отцу сказал кто-то, что я умею метко стрелять из лука и желаю легионером стать. Он, должно быть, известию этому обрадовался и решил мне помочь.

И вот однажды вечером, четыре года назад, к нам в дом пришёл скороход в форменной синей тунике и белым пером на шапке. Снимая её, он нам с мамою очень красиво поклонился и, подражая всем манерам отца, произнёс:

– Патриций Луций Клуили говорит тебе: «Даже не помышляй о службе в новомодных греческих полках, Федрус! Жалование там низкое, провиант скудный и выслуги никакой. Другое дело – легион «Африка»!… Для вольноотпущенников в римские легионы путь закрыт, но ты не теряй надежды! Мне известны законы Рима, и я знаю, какое к каждому из них допущено исключение. И вот потому я написал тебе рекомендательное письмо. Когда ты его покажешь на пункте отбора легионерам, то они, даже не распечатывая его, тебя допустят до испытаний. Если ты, Федрус, пройдёшь обязательный отбор, то тебя возьмут в легион лучником! Через три-пять лет ты будешь переведён в основные войска! Служба в легионе почетна, жалование достойно, а по завершении контракта и ты, и весь род твой получат гражданство Рима!

Тебе, Федрус, как вольноотпущеннику, стать офицером никак нельзя, но вот стать деканом (десятником) ты можешь. Я ни во что ставлю железные фалеры! Но если ты как гастат (тяжёлый пехотинец первой линии), принцип (второй линии) или триарий (третьей линии) проявишь доблесть, и сам легат возложит на твой шлем венец зубчатой стены, то будет тебе почёт от граждан Рима и участок земли в провинции…

Состязания рекрутов легиона «Африка» состоятся у Эсквилинских ворот, ровно через семь дней. Завтра я уезжаю надолго, по долгу службы. Если ты не окажешься ни на что не годным слабаком и придёшь с победою с этих состязаний, то мой управитель даст тебе на вооружение и амуницию лучника три золотые намисмы. И без победы у Эсквилинских ворот ты, Федрус, ко мне

больше не приходи!»

Сказав так, скороход достал из своего тубуса рекомендательное письмо и очень красиво подал его нам. Тот свиток имел необычный вид: весь такой рыжий, с длинною бахромою, и был перевязан золотою верёвочкой.

Мама протянула, было, руку к нему, но она у неё затряслась. И тогда его взял я.

Скороход посмотрел испытующе на нас и спросил:

– Что мне передать моему и вашему знатному господину?

Мама стояла вся белая и испуганная, и смотрела куда-то вниз. А меня стало раздирать надвое из-за жалости к моей маленькой матери и желанья угодить моему знатному отцу. И поскольку я никак не мог прекословить воле отца, то звонко сказал:

– Да, я пойду на состязания рекрутов! И пойду на него за победою!

Скороход устало улыбнулся, красиво нам с мамою поклонился и ушёл.

На этом Федрус замолчал.

И тут Марк, сощурив глаза, с улыбкою негромко сказал:

– А я маму твою не раз видел: невысокая такая, русоволосая и глазастая. Она дома у нас бывала и как-то мерку с меня сняла. И уже через два дня наш слуга принес мне из ремесленного квартала готовую златотканую тунику с рукавами, которая села на меня как влитая. В ней я только на «Торжественное собрание» и ходил, да и ещё в одно место на другой день тоже… И выходит, что это она и мой любимый плащ сшила.

И значит, это тебе, Федрус, я обязан тем, что перед самым отъездом отца в Равенну на военную службу загремел… Должно быть, когда он задумался, как тебе помочь, то и про меня вспомнил… Именно тогда, четыре года назад, он вдруг пожелал, чтобы я, старший сын и его наследник, мужчиной стал. И для участия в рекрутских состязаниях он дал мне точно такое же, как и тебе, рекомендательное письмо сенатского образца…

И ещё там, у Эсквилинских ворот, два каких-то дуболома назвали меня Федрусом и чуть не отлупили за тебя… И это из-за тебя ко мне в легионе прицепилась странное прозвище «Федрус». Это что же, выходит, все они меня с тобою спутали?

– Да, господин мой, со мною. Прости меня Христа ради! – виновато покачал головою Евтихий. – Но я продолжу… Как оказалось, многие люди тогда на улице того скорохода видели. И как он зашёл к нам в дом, и как вышел тоже. И кто-то даже подслушал через оконный поём весь наш разговор. А на другой день весть о том, что «Наш Федрус – ничей сын гордо заявил через скорохода Сенату Рима, что он, хотя и бывший раб, но всё равно пойдёт на испытания рекрутов легиона «Африка», и не как зритель, а за победою!!» – стал обсуждать весь наш квартал.

– Да никто Федруса в легион «Африка» не возьмёт – ни латником, ни лучником, ни конником, ни погонщиком волов, ни даже наездником на маленьком ушастом осле! Он ведь рождён рабом! – говорили одни.

– Но если Федрус и в самом деле незаконный сын знатного господина, то тогда ему и сам Римский Сенат нипочём, – отвечали им другие. – Видишь, какой он важный! Сам в сенат не идёт, а скорохода им посылает!

Из-за строгого наказа нашего господина, моего твёрдого обещания ему и ещё неутихающих пересудов за нашими окнами – мама моя слегла. Лицо у неё потемнело, и она в три дня тихо умерла.

И вот тогда у нас в ремесленном квартале началась паника. Мастеровые стали кричать с балконов и прямо на улице на все лады:

– Люди, беда-беда! Беда!!… Закрывайте окна и двери!… К нам вновь вернулась юстинианова чума!!…

Мы только вдвоём со старым могильщиком отвезли маму на дальнее кладбище…

А когда я возвращался домой, то у городских ворот меня уже ждали злые люди. Они издали кидались камнями, махали мне палками, и кричали:

– Уходи вон, из нашего города, зачумлённый Федрус! А не то мы убьем тебя! Дом твой у рынка уже сгорел…

Всю ночь ту ходил я по лесу, горько плакал и все, думая о том: «Как мне жить дальше? Куда теперь мне идти? И как можно найти моего знатного отца?» Потом мне вспомнилось, что он же сам мне сказал: «И без победы у Эсквилинских ворот, ты, Федрус, ко мне больше не приходи!» И тогда я упал и совсем безутешно заплакал. Ведь рыжий свиток его вместе с домом, уже сгорел. И я не мог даже попробовать исполнить его указ…

А наутро, когда с рёвом труб первой дневной стражи все врата Рима отворились, я пошёл прямо в Андреевский монастырь. Отец Григорий, его настоятель, очень добр ко всем людям. И все прихожане его Двоесловом называют…

Когда мы с мамой впервые пришли в Андреевский монастырь, то народу на службе было мало. По её окончании отец Григорий сам подошёл к нам. Он попросил у мамы моей разрешения, чтобы послать меня отнести три свитка для господ в самый центр Рима. И мама разрешила. Я был счастлив. Уже на улице я нашёл потрепанное перо, воткнул его себе в шапку, как настоящий скороход, и отнёс все свитки с поклонами по адресам. Потом мы с мамой стали ходить в тот монастырь на службы часто. И всякий раз отец Григорий давал мне отнести свитки или даже денежные мешочки.

А когда в тот день я подходил к Андреевскому монастырю, отец Григорий как раз сам вышел на его крыльцо. Я упал перед ним на колени и разрыдался. А он провёл меня через тёмные коридоры в пресветлый Приёмный зал. И там, у беломраморного распятия Спасителя, я всё ему рассказал…

Потом он вышёл, принёс два черных пухленьких денежных мешочка и мне сказал:

– Вот, Федрус… В двух этих мешочках лежат золотые намисмы. Их нужно отнести на Святую Землю. Такое дело я могу доверить только тебе. Один из них нужно отдать, из рук в руки, настоятелю Иерусалимского монастыря Гроба Господня, а второй также самому настоятелю Вифлеемского монастыря Вертепа Господня. Но если окажется, что они в отъезде, то можно отдать эти мешочки и вторым лицам после них.

Пока ты, Федрус, будешь в пути, ни о каком своём будущем даже не помышляй. Во всём положись на Бога! Если исполнишь моё поручение, то станешь уже другим, и тогда сам решишь, что тебе дальше делать. Если ты вернешься обратно, в Рим, то я возьму тебя на службу скороходом. Но ты можешь остаться и там – на Святой Земле.

Тогда я решил во всём довериться отцу Григорию, и на все его слова кивал головою. Потом он достал из-за мраморного распятия большой серебряный крест и осенил меня им. И ещё он дал мне мешочек малый рыженький, с медью и серебром, и сказал:

– А эти деньги, Федрус, я даю тебе на дорогу. Сейчас тебя накормят и отведут в рухлядную. Возьми себе там всё, что может понадобиться в пути. А ближе к вечеру наш брат-извозчик отвезёт тебя в Остийскую гавань. Оттуда, сегодня на закате, отправится корабль на Святую Землю, в город Тир. На том корабле ты найдёшь группу прихожан нашего монастыря. Прилепись к ним и иди с ними до самого Вифлеема. Но то, что ты мой скороход и везёшь большие деньги – им не говори… Предаю тебя в руки Божьи!

Брат-извозчик по дороге в Остийскую гавань очень недовольно поглядывал, то на сумку мою, то на меня. И я его даже бояться стал. А потом он лошадь остановил, повернулся ко мне и строго сказал:

– Уж лучше бы ты, брат Федрус, верёвкою потуже подпоясался, а деньги за пазуху положил, да и хлеб, и ещё что-нибудь запихал туда тоже. Все бездомные бродяги в таком виде по улицам ходят. Стыдоба одна, да и только. Но зато на тебя, вот такого, никто не посмотрит даже, и не подумает, что у тебя деньги есть!

Ну, а верёвку, чтобы мне подпоясаться, он прямо с себя снял. И как он мне велел – так я и сделал.

Каково мне было на корабле – лучше не вспоминать. Корабль наш всё время вверх-вниз мотало, меня мутило, и первые дни я даже и спать не мог. Всё время в бока нашего корабля били такие большие волны, что я весь сжимался от страха и думал, что они вот-вот их раздавят. А когда мы плыли вдоль берега, то могли врезаться в торчащие из вод камни…

А ещё у нас на корабле были плохие люди. Когда я ночью стоял у борта, держась за деревянные поручни, то кто-то приступил ко мне сзади, приставил нож к горлу и хрипло так сказал:

– Тихо! А ну, давай деньги! А не то рыбам тя брошу…

Я сунул руку за пазуху, вытащил тощий рыжий мешочек отца Григория. Грабитель выхватил его у меня и исчез.

И я за золото отца Григория испугался так сильно, что побежал на корму корабля и стал бить руками и ногами в дверь корабельщика. Наутро хозяин корабля вместе со всеми матросами осмотрели весь корабль и даже сумки всех мужчин, но нигде моего рыжего мешочка они не нашли.

Но самым большим врагом оказался себе я сам. Забыв о наказе отца Григория: «Пока, Федрус, ты будешь в пути, о своём будущем даже не помышляй, и во всём положись на Бога!» – я много думал о том, как мне дальше жить. Стоя у борта корабля, я всё время вопрошал сам себя: «Простит ли меня мой знатный отец, когда узнает, как дело было?» Глядя же на морские волны, идущие только в одну сторону, я понял, что в прошлую жизнь мне пути больше нет.

За два черных мешочка отца Григория я очень переживал и часто размышлял: «Как же мне их в целости в монастыри принести»? И в моей голове всё время, как мухи над кучей мусора, роились помыслы. Мне как бы говорил кто-то:

«Легионы богатого и гордого Рима убили много-много моих предков в драгоценной Фракии, и сделали мою маму, свободную фракийку, позорною рабой! Ну, а потом сам Рим убил её, и сжег наш дом с отцовским свитком и всеми нашими накоплениями. И потому тот Рим должен заплатить мне за все утраты мои сполна. Да, дьякон Григорий – человек хороший. Но он тоже богатый римлянин, и потому мой должник! Вот и пусть он и сочтётся со мною за весь Рим! Да, это будет очень и очень справедливо, если оба этих черных мешочка я возьму себе. Те два монастыря на Святой Земле так богаты, что этого не заметят. А вот я на эти намисмы куплю во Фракии много-много плодородной земли, большой дом и финиковую плантацию! И там я восстановлю свой род…

В Греции, у одного из селений, наш корабль причалил прямо к песчаной косе, для пополнения запасов пресной воды.

Хоть я и крутил в голове обиды на весь гордый Рим, но всё равно твёрдо знал, что поручение отца Григория исполню. Но как только наш корабль уткнулся носом в песок, и с него спустили трап, то вдруг с каким-то диким весельем я бросился к нему, и стал расталкивать матросов. В тот миг я увидел глаза отца Григория перед собою. Тут я очнулся, мне стало стыдно, и я под ругань матросов пошёл назад.

И весь оставшийся путь до тирской гавани наш корабль плыл очень быстро.

Стоящий низко у моря, сложенный из светло-серого дикого камня город Тир с его узкими улочками, большими повозками и вечно спешащими людьми мне показался до боли знакомым и родным.

Ни с кем из земляков-паломников, приплывших со мною, я в Риме близко знаком не был. Из-за денег на самом корабле я их сторонился, а они все думали, что я стесняюсь их из-за своей бедности и плебейского положения. Но после того, как меня ограбили, римские паломники стали подходить ко мне сами, давали хлеба или приглашали к «Столу Христа». И вот там я рассказал им о постигшей меня беде и со всеми ими сошёлся.

Когда самый старший из нас, седой мужчина, сошёл с трапа корабля на берег, то упал на колени, поцеловал камни и сказал:

– На этой земле остались следы Иисуса Христа, которые не сотрутся вовек!

С долгими тихими молитвами и беседами римских паломников, а также с их терпеливыми ответами на мои вопросы всё это благоговенье передалось и мне. Я тоже стал, как и они, смотреть на Святую Землю как на самое великое чудо света. А когда я увидел здешние серые пустоши, усыпанные камнями, с пучками

сухих трав, и ещё невысокие коричнево-серые горы с ущельями, то уже не мог оторвать от них взгляда.

Большую часть пути – от Тира до Иерусалима – я прошёл со своими земляками очень хорошо. Каждый день все они делились со мною хлебом, а кто и рыбой.

И вот перед нами предстал огромный белокаменный город Иерусалим! Этот город куда более древен и велик, чем наш Рим.

На том месте, где раньше была гора Голгофа с пещерою погребения, теперь стоит огромный Храм Гроба Господня. Вместе со всеми окружающими его строениями и каменными дорожками он был построен матерью императора Констанция Хлора, равноапостольной царицей Еленой. В притворе его лежит рыжеватый камень помазания, со многими прожилками, на который было положено тело распятого Иисуса Христа. Среди тех, кто готовил Его к погребению, были члены Великого синедриона – Иосиф Иеремофейский и законоучитель Гамалиил, а также первый христианин из числа не евреев – центурион римской армии Лонгин. Когда Лонгин пронзил тело Христа копьём, то на его больные глаза брызнула кровь Бога, и они сразу же исцелились. Позже, в беседе с Пилатом и в разговорах с иудеями, центурион Лонгин бесстрашно проповедовал Христа.

С тех пор камень помазания постоянно источает святое миро. Я сам видел, как многие люди брали с него на палец по капле мира и крестообразно помазывали себе лоб. Когда и я сделал то же самое, то моя душа наполнилась великой благодарностью к Христу. И у меня там было очень странное ощущение. Если бы кто-то тогда спросил меня: «Какой сейчас век?» или «Ты ли здесь сейчас стоишь?» – то я не смог бы на это ответить.

Каменная лестница, начинающаяся прямо возле Храма, привела нас на Голгофу, которая служила во времена Иисуса Христа местом наказаний. Во времена Иисуса Христа к нему вела пыльная тропа… Из Священного Предания нам известно, что под этим холмом захоронен первый человек – Адам. Когда Иисус Христос испустил Дух, то произошло такое великое землетрясение, что гора Голгофа раскололась надвое, и полил такой сильный дождь, что кровь Христа с водою попала на череп Адама и омыла его грехи.

Стоявший тогда на Голгофе пресвитер нам сказал:

– В самом облике Иисуса Христа было нечто притягательное. Люди, общаясь с Ним, начинали понимать – вот оно, то Абсолютное Благо, к которому неосознанно стремятся их души, и возле Кого они находили абсолютное умиротворение и покой… Люди, а вы видели крест распятого Христа? Ну, где

здесь справедливость? О какой справедливости после этого мы можем говорить вообще и искать её в этой жизни? На примере своей крестной смерти Господь научил нас терпеть всё и прощать всех обидчиков наших. Только так всякое зло на Земле может быть переплавлено во благо…

На фоне Божественного присутствия грехи и добродетели людей выступают со всей решительностью и обретают свою глубину и трагичность. Все Слова Божьи благотворны для тех, кто смиренно поступает согласно Им, и несут гибель всякому злу и самому источнику всякого несчастья. В самом конце времён Слово Божье принесёт на Землю окончательную победу и полный мир…

Настоятеля Иерусалимского монастыря Гроба Господня я застал прямо в Храме Гроба Господня. Там я вручил ему один из черных мешочков отца Григории и рассказал ему о нём самом.

Потом мы три дня ходили по всему Иерусалиму и по его окрестностям. Сначала мы пошли на Сионскую гору, на то место, где жила Пресвятая Богородица в доме Апостола Иоанна Богослова. Затем мы ходили по той самой древней дороге, что ведёт через Вифанию, по склону Елеонской горы к Храму Соломона. Храма того давно уже нет. На месте Святая Святых его, на Горе Мориа, был последний земной дом Адама, и святой праотец Авраам занес нож над своим сыном Исааком…

В той же Вифании, в доме Симона Прокаженного, женщина вылила из алавастрового сосуда на голову Спасителя драгоценное миро. И там я гладил рукою те самые камни, на которые ступали Сам Спаситель, Матерь Божия, все святые Апостолы и многие-многие святые.

А ещё мы там побывали на вершине Сионского холма, где Сионская горница соседствует с домом первосвященника Каиафы. Сама Сионская горница – это очень крепкий каменный дом двухэтажный с плоской крышей. Согласно преданию, именно здесь один из долгожителей (по-видимому, один младших сыновей Ноя) – Царь справедливости и священник Бога Всевышнего Мелхиседек, правивший в городе Иерусалиме, вышел навстречу патриарху Аврааму с хлебом и вином, и ещё до рождения Христа его причастил! Позже на первом этаже этого дома была устроена гробница пророка и псалмопевца царя Давида, а на втором этаже ещё в той глубокой древности были сделаны две большие комнаты. Именно к этому месту Иисус Христос послал Апостолов Петра и Иоанна. В тех комнатах Господь совершил Свою Тайную вечерю, и после Воскресения дважды явился Апостолам. Здесь же было Сошествие Святого Духа на Апостолов в день Пятидесятницы. Там же вместо предателя Иуды в число двенадцати Апостолов был избран Апостол Матфей. Здесь же происходил первый в истории

Христианской Церкви Апостольский собор и здесь же были избраны первые семь диаконов.

Сионскую горницу принято называть матерью всех церквей, ведь именно здесь произошло первое схождении Святого Духа в виде огненных языков, которое называют «рождением» Церкви, а также здесь же именно Сам Иисус Христос совершил и Своим присутствием освятил таинство причастия Своей Плотью и Кровью. И этому самому таинству, называемому Евхаристией, суждено совершаться во всех христианских храмах до конца времён. В четвёртом веке возле Сионской горницы царицей Еленой была построена маленькая церковь по типу римской базилики. Когда я взошёл на второй этаж Сионской горницы, то душа моя затрепетала.

До Рождества Христова осталось несколько дней. Те радушные римляне, что живут неотлучно у Гроба Господня, порешили нас отвезти на кибитках к Празднику Рождества в Вифлеем. Но кибиток было у них только три. Сначала расселись в них все женщины, а потом в них стали садится и мужчины, по старшинству. А так как я был самый молодой, то мне одному места и не хватило. Говорить же о том, что я деньги везу, отец Григорий мне запретил… И один из возниц мне тогда сказал:

– Пешему путнику от Иерусалима до Вифлеема – менее дня пути. Но на этом тракте одинокий путник может попасться разбойникам. Но ты не бойся. Таких бедняков, как ты, они жалеют. Ну, развяжут они на тебе верёвку, посмотрят на все твои «сокровища», что попадают, может, что и возьмут, да отпустят. А вот в пустыне Иудиной, у Горы Елеонской, на людей нападает огромный лев. Он хватает путников зубами и уносит их живыми в своё логово. Вот потому по вифлеемскому тракту путники в одиночку и даже вдвоём-втроём не ходят, сбиваются большими группами…

Вот я и сидел в ожидании большой группы поклонников в южном предместье Иерусалима почти два дня. Но все, кто проходили мимо, принимали меня за беспутного вора-побирушку и прогоняли. К тому же тогда меня, из-за зимнего холода и частых дождей, мучил кашель.

И вот тогда в моей голове кто-то вновь стал твердить: «Вот возьму только одну монетку из мешочка Григориева, и будет мне и лекарство, и вкусная еда, и возница!» Но вспомнив про такой же случай на корабле, я понял, что это искушение. Тогда я с гневом сказал ему: «Уходи, бес!!». И тот голос, как бы второго моего «я», умолк.

Я совсем уже впал в уныние, как вдруг вижу – на вифлеемский тракт из пригорода выезжает обоз, состоящий из трёх воловьих повозок, нагруженных белыми мешками с мукою. На каждой из повозок сидели по два инока-чернеца, испачканные тою же мукой.

Подбежав к ним, я сиплым голосом возопил:

– Рабы Божии, явите милость! Возьмите меня с собою в Вифлеем! А то я разбойников и льва Иудина боюсь!

А самый рослый из них, что сидел с поводьями на первой повозке, посмотрел на меня с прищуром и спросил:

– А греха ты боишься?

– Да-да, и греха я боюсь. Ещё пуще, чем льва, его боюсь! – воскликнул я.

Тогда тот ещё больше прищурился и говорит:

– Нет, не возьмём мы тебя с собою в Вифлеем. Вона ты какой плюгавый да хилый! А как чумою нас заразишь?

– Да не бойтесь вы меня, братья, я ведь не заразный! Я просто от стужи кашляю.

– Вот где настигло тебя – там и молись, чтобы Господь тебя смертушке не отдал! – подняв палец, сказал тот. – Вот тут, в Иерусалиме, и молись. А ежели ты тут за энту неделю не помрёшь, то мы тебя потом с собою возьмём.

– Да возьмите вы меня, Христа ради, вифлеемские братья, прямо сейчас с собою! – взмолился я. – Я ведь из Рима с порученьем в ваш монастырь иду! Я ведь золото вам везу! А если вы не возьмете меня с собою, то оно или разбойникам, или льву Иудину достанется!!

– А ты покажь нам золото! – с усмешкою сказал тот возница, но повозку остановил.

Вот тогда я достал из-за пазухи второй мешочек Григориев и прямо пред ним его развязал.

– Эх-ма! Это и впрямь золото… – сдвинув шапку на бок, протянул он. – Ну ладно, ежели ты нам не соврал, то залазь на втору повозку. Еды у нас нет. И мешки ты нам чем ни попадя не ковыряй. До вечера не помрёшь. А уже в монастыре мы тебя покормим, и настою целебного дадим!

Два инока со второй телеги помогли мне влезть в неё. А уж там я где лёг – там и уснул.

Те братья разбудили меня на закате, когда мы в монастыре уже были. Я же тогда совсем квёлый стал. Потому два инока, что ехали на второй телеге, меня под руки повели. Первый возница в дверь постучал и громко сказал:

– Распятие Бог претерпел и смертью смерть разрушил!

– Слава Христу Богу моему! – очень красивым, бархатно-басовитым голосом прозвучал ответ.

В просторной келье с высоким сводчатым потолком, освещаемой двумя большими свечами, стоял высокий темноволосый инок с окладистою бородою. Мы все поклонились. И старший из наших иноков обратился к нему:

– Вот, отец наш настоятель, мы тебе из самого Рима щедрого подателя привезли!

И тот с удивлением поглядел на меня. А я сунул руку за пазуху, да и подал ему второй Григориев мешочек. А потом я не помню, что было. Мне сказали, что я упал. Смутно помню, что несли меня на циновке, чем-то горячим поили, и что я чего-то ел.

Затем, смотрю – горит передо мною большая свеча. А за нею на лавке – сам отец-настоятель сидит и прямо на меня смотрит.

А я ещё во время плавания у Господа испросил: «Удостой меня, Христе Боже мой, раба твоего, самого что ни на есть недостойного, как сделаю дело, чтобы кто-нибудь умный по правде Твоей меня вразумил, и подсказал, как мне жить дальше».

И настоятель своим бархатно-басовитым голосом мне сказал:

– Поклонники в наш святой монастырь круглый год со всего света приходят, но особенно их много бывает на Рождество. А приютить их нам негде. Вот мы давно уже с братией решили для паломников в стенах монастыря большую гостиницу построить. И молимся мы об этом исправно уже не один год, но вот денег на это, как не было, так и нет. И вот ты, Федрус, принёс нам деньги на Рождество, значит, на начало дела этого… Расскажи мне, посланник из Рима, кто послал нам сей дар?

И я рассказал ему об отце Григории. Он же ещё о чём-то поспрашивал меня и сказал:

– Да, Федрус, мы с благодарностью принимаем сей дар, и имена Григория и Федруса будем поминать в алтаре нашего Храма целый год. Если ты пожелаешь – можешь вернуться в Рим. В стаде такого пастыря, как отец Григорий, спасена будет душа твоя. Ещё ты можешь остаться в стенах сего монастыря, но устав наш строг… А ещё, Федрус, я думаю, что ты мог бы встречать поклонников, приплывающих в город Тир на кораблях, как проводник. Ты мог бы их, услаждая рассказами, поучать, где-то на высоком берегу моря, на закате, или даже весь путь.

На любом из этих путей, Федрус, ты можешь настолько преуспеть, что с победою вернёшься к своему Небесному Отцу! А так как ты оказался верен в малом, то сделай и сей выбор сам.

– Отец мой, настоятель, я бы хотел, на послушании твоём служить паломникам! – сказал я ему. – Для монастырской оседлой жизни я не годен… Вот только что я смогу тем поклонникам душеполезного рассказать?

– Сын мой, если ты правую веру имеешь, да ещё и со смирением, с благоговением и всечасным благодарением, то Господь Бог сам всё в твоей жизни управит и ко всякому случаю нужное слово даст. Вот ты говоришь о неумении своём, а это уже смирение… Нынче в полночь мы начнём Рождественскую службу, которая продлится до утра. По завершении её я выйду к людям в трапезную, а ты подойди ко мне…

И после той Рождественской службы отец-настоятель меня спросил:

– Ну, что решил ты, Федрус?

– Благослови меня, отец мой, спасаться на пути служения поклонникам, на послушании твоём, – сказал я ему.

Он же весьма благожелательно улыбнулся, широко перекрестил меня, дал поцеловать свой наперсный крест и сказал:

– Скороходом, значит, быть хочешь?! Ну, что же, хорошо. Есть у меня уже один великий странник. Это я о любимом всеми нами Иоанне Мосхе говорю. Он о Святой Земле больше всех знает. А как начнёт он свои досточудные истории рассказывать, то и про сон, и про всякую усталость забудешь. Вот сейчас он как раз на Рождество к нам прибыл. Спутник у него заболел, и он пожелал лечиться в нашей лечебнице. Ужо будет авва Мосх две недели всю нашу братию своими рассказами услаждая наставлять. А вот потом он опять уйдёт. Препоручу-ка я тебя ему на малое время. Послужи ему тут келейником, а уж затем, если он тебя сам удостоит, то пройдёшь с ним ещё два или три пути. А вот потом ты и сам

Богу служить будешь, как сможешь. Главное во всяком деле – это положиться на Господа, и тогда всё хорошо будет. Я смогу постричь тебя в иноки завтра, во второй день после Рождества.

– Благодарю, отец-настоятель, – сказал я ему.

Настоятель постриг меня в иноки с именем Евтихий. А потом я ходил две недели с благоговейным восторгом по всему Вифлеемскому монастырю за тем аввою и всячески старался ему угодить. А потом он благословил меня пройти с ним три пути.

Перед тем как уйти в первый путь, я коротко записал для отца Григория всё, что со мной произошло, и отправил свиток с поклонниками из Рима прямо в Андреевский монастырь…

Когда Федрус такими словами завершил свой рассказ, надо всем Великим морем уже пылал закат. А потом он ещё сказал:

– Я думаю, Марк, что именно здесь с учениками своими был Сам Иисус Христос. Они тут, должно быть, ночевку делали и наблюдали вот такой же прекрасный закат. Тут я повсюду нахожу тому подтверждения, понятные только мне…

А само это закатное пламя, Марк, должно быть, пылает в Нумидии?

– О нет, Федрус, это пламя горит ещё дальше, – довольно уверенно ответил Марк. – Нам в Риторской школе говорили, что это закатное пламя пылает за истинным краем света, проходящим где-то в Бескрайнем море (в Атлантическом океане). Но в землях мавров так уже жарко, что там совсем ничего не растёт, в реках воды нет, а кожа у людей задубела, запеклась и стала черной…

А потом, когда отгорел закат и стало совсем темно, Марк у костра рассказывал Федрусу о своём детстве в Риме, о своих беседах с отцом Григорием, о службе драконарием в легионе «Африка» и о той страшной засаде, в которую попала их когорта.

Потом Марк негромко сказал:

– Ты знаешь, Федрус, когда бы не все твои беды в Риме, то там, в ущелье, в отряде лучников был бы и ты…

– Да, был бы, – покачал головою тот.

– А какие имена, Федрус, вы с мамой получили как вольноотпущенники?

– На грамоте, утверждённой Местным Советом, мама моя записана как Луция Милана, а я – Луций Федрус.

– Вот и тут, Федрус, всё сходится, – негромко сказал на это и тихо улыбнулся Марк. – Выходит, мы с тобой родные братья по отцу. Вот почему мы так похожи… Для поступления в легион отец нас одинаково наставлял и дал нам обоим грамоты сенатского образца. Должно быть, он ещё до рекрутских испытаний с самим легатом уговорился, чтобы он взял тебя на службу лучником, а меня – драконьером, при отряде лучников. Вот сейчас наш отец добился моего назначения на должность центуриона, ну, а потом он перевёл бы и тебя под моё начало.

Там, в великом Риме, я был бы господином, а ты слугой. Но здесь, на Святой Земле, в руке Отца Небесного, мы равны. И потому мне важно знать, кто из нас старший брат? Ведь слово брата старшего всегда выше. Потому скажи мне, Федрус, в каком году ты рождён?

– Я рождён в тридцатый год правления Юстиниана первого, – глядя на огонь, ответил тот.

– И я тоже рождён был в этот год. Мой день рождения весной, а твой?

– А у меня он зимою, на второй день после Рождества, – сказал Федрус и потом добавил: – Вот и пострижение меня в иноки произошло в этот день…

– Выходит – ты старший брат! – вздохнув, произнёс Марк. – И я признаю это…

Потом Марк обхватил голову руками и с болью в голосе произнёс:

– Скажи мне, брат мой Федрус, как жить, когда я не могу сразу исполнить и своё слово, данное Отцу Небесному, и отцу земному?! Как ты сам живёшь так?

– Вот смотри, брат, – немного подумав, ответил тот. – У каждого из нас свой жизненный крест. – Один святой сказал: «Нести свой крест – это идти по тому пути, что начертал нам Промысел Божий, принимая нём все те скорби, что попустил Бог».

Того Марка, которого его земной отец послал служить в легион «Африка», как ни прискорбно, варвары, похоже, уже убили. Он исполнял приказ трибуна: «Стоять насмерть», – и его убили. Да и меня, будь я там, они тоже бы убили… Но вот дьякон Григорий передал нас с тобою в руки Божии, и ещё, наверное, не раз он помолился о нас. Вот потому наш Небесный Отец, исполненной неописуемого величия, и дал и тебе, и мне ещё время жизни, чтобы мы сумели спастись. Ведь Господь только того и ждёт от нас, от Его блудных сынов, чтобы мы сами

возвратились к Нему. Всем, кто к Нему возвращается, Отец Небесный Сам выходит навстречу и говорит: «Был мертв и ожил, пропадал и нашелся…»

Вот если Бог нас с тобою здесь, на Святой Земле, таким чудесным образом свёл, то это значит, что Он и дальше нас не оставит! Потому, давай, брат, послужим Ему здесь, чтобы и нам вернуться к Нему с победою!

Великий писатель и богослов Тертуллиан, сын карфагенского центуриона, сказал, что вся жизнь истинных христиан – это воинская служба. Все христиане – это воины Христа. Сам Иисус Христос – это полководец. Крещение – это таинство и присяга знамени. Вся церковь – это военный лагерь Бога. Всем воинам бывает страшно только начать, а потом им всё становится сподручно, и они ни на что не смотрят. Вот так и в духовной брани… И как солдаты с радостью считают дни до возвращения домой, так и христиане всегда помнят о завершении земной жизни и возвращении в свое Небесное Отечество.

Если ты хочешь, Марк, то мы пойдём завтра в город Тир, и повернём там либо к военному коменданту, либо к торговцу Агапиту. Комендант может дать тебе оправдательную грамоту и отправить тебя на корабле в Карфаген. А торговец Агапит за бесценок купит твой доспех и в придачу даст простую одежду. До утра, брат, реши, куда в Тире мы повернём.

– А я уже всё решил, брат. Я непременно исполню обет свой, данный Богу! Мы пойдём в Тире к торговцу Агапиту, – как о чем-то давно решённом сказал Марк. А потом он задумался и вскоре спросил: – А вот интересно, брат Федрус, как давно в этот раз ты решил пойти в Тир?

– Перед тем как идти сюда, я к одному великому старцу ходил, в Киновию преподобного Феодосия Великого, что стоит у Солёного моря. Потом, много размышляя о том, что он сказал мне, я и пошёл в Тир. В тирских гаванях я всегда нанимаюсь к тем, кого Бог Сам ко мне приводит, и веду через библейские места в Вифлеем. Из-за зимнего холода и дождей у меня начался кашель и потому я задержался в гостеприимном доме в Капернауме. И вот три дня назад мой кашель вдруг прекратился, и появилось ощущение, что я могу куда-то опоздать. Вот я отправился дальше в путь и подумал, что не иначе кто-то из моей драгоценной Фракии плывёт в Тир, то ли уже кто из самой северной дальней родни ко мне плывёт. А оказалось не то и не это. На самом-то деле Бог пожелал, чтобы я на этой поляне встретил тебя.

– А у меня три дня назад вот что было, – с немалым удивлением заметил Марк. – Ко мне в палатку вошёл сам казначей легиона «Африка». И я ему, в шутку как бы, сказал: «А вдруг из этого похода я не вернусь?» А он тогда оговорился,

назвал меня Федрусом, и, указав на мою икону Спасителя, предрёк: «И Он тебя не оставит». Вот видишь, брат Федрус, за три дня до встречи нашей и тебе, и мне были даны знаки. А это значит, что Господь Бог уже три дня назад знал, что там, в теснине, будет, и что мы потом с тобою здесь встретимся. И, должно быть, конники той «Вавилонской» армии здесь не случайно разбойных людей гоняли…

Глава 6. По всем дорогам Святой Земли

На другое утро, когда братья вышли на тирский торговый тракт, ведущий вниз – к морю, Марк спросил:

– Скажи, брат Федрус. Что надо знать всем тем, кто хотят подвизаться в служении Богу?

И тот, немного подумав, ответил так:

– Самое главное в нашей жизни – это неустанное стремление к Богу. Видя твоё устремление, брат, Господь нигде тебя не оставит, и всё необходимое сам тебе даст. Все великие перед Богом подвижники живут немногими простыми мыслями. Вот, например: «Цель нашей жизни одна – оправдание в Вечности… Если ты любишь Бога – то обращайся к Нему как к Отцу… Тот, кто ещё не приготовился к видению Небесного Света путём христианской жизни – не может вынести Его… Бог открывается только тем, кто освятил свою совесть. Каждый восстанет из мёртвых в том устроении, на каком уровне совершенства он ушёл в Вечность».

От всех подвизающихся на пути христовом Бог ожидает всякого совершенства. Самая большая наша брань происходит с невидимыми врагами – за чистоту сердца и ума. Сердце человека чисто, когда оно не пропускает злые помыслы. За одну только победу над мысленным врагом Бог возлагает на подвижников венцы спасения!

Знание Бога – это не чтение многих душеполезных книг, а то, что возникает от личной встречи с Ним – от опыта молитвы и опыта жизни по заповедям. Многие отшельники не знают даже псалмов, но из-за смирения и множества прекрасных дел их молитвы восходят к Богу огнём. Стяжаемой Благодатью они разгоняют бесов как мух. Человек, победивший в себе злые помыслы, находит у себя и много других добродетелей.

Если подвижник возьмётся за дело разумно, то сама духовная теплота будет учить его, как управляться во внутреннем, и как держать себя во внешнем. Чтобы у человека была сила в молитве и в борьбе, ему надо иметь смирение,

которое скрывает в себе Божественную Силу. Кто насколько умалит себя при жизни – тот настолько и возвысится перед Богом.

От многих молитв в нашей душе рождается Рай. Псалмопение вместе с апостольскою молитвой делает душу нежной и услаждает её. Приступая к молитве и к любой работе с молитвой, ты ощущаешь себя служителем Христа… Душа в молитве растёт, ширится и созревает для Господа. Молитва – это не то, что вопиют уста, но то, что движется в сердце. Плод молитвы – не теплота и сладость, а Страх Божий и Сокрушение. Молись, брат, больше, и молитва сама тебя всему научит. И когда мы идём ко Господу и молимся, то все препятствия на нашем пути исчезают.

Бог ведёт в Царство Божие не тех, кого Он хочет, а тех, кто сами туда идут. Все виды духовных подвигов – это только лишь средства, чтобы обогатиться духовно. Цель же всех подвигов – это обретение внутреннего мира и любви. Встреча наша с Богом, при Втором Пришествии Его, будет полностью зависеть от нашего соприкосновения с Ним в этой земной жизни.

Поучая братию, великий отшельник авва Исаак Сирин сказал, что мы лишаемся наслаждения общения с Господом нашим, пребывая постоянно с людьми. Одиночество соединяет нас с Богом. От молчания в нас возрастает ревность ко Господу и любовь к людям.

Любовь и дружба в нас возрастают, если мы чем-то для них жертвуем. Сколькими же нужно пожертвовать ради Бога, чтобы нам, как и Апостолам, как Лазарю Четырёхдневному с его сёстрами Марфой и Марией, как начальнику мытарей Закхею и как Фотинии Самарянке – удостоиться любви и дружбы Самого Иисуса Христа?!…

Сразу за городскою стеною Тира вдоль узких улочек теснилось лавки, забитые всякими товарами. В одной из них, куда вошли братья, толстый торговец Агапит с добродушной улыбкой показал Марку на все царапины на его шлеме, отметины на его кольчуге и все дыры на его красном плаще. И потом решительно произнёс:

– Оружейник, посмотрев на доспех твой, скажет: «Всё это мне не исправить». Ну кто у меня побитый доспех купит? Вы, офицеры, – народ привередливый. Потому я могу дать тебе за всё это только три намисмы.

Марк опустил голову, постоял так немного и, повздыхав, согласился. И тогда очень довольный торговец протянул ему три золотые монеты, а потом и простую одежду.

Когда братья вышли на улицу, Марк у Федруса спросил:

– А теперь дай совет, брат, с чего мне начать новую жизнь?

– Спаситель наш сказал: «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и всё, что вам надо – приложится», – ответил тот ему. – Вот если ты имеешь большую веру Христу, и раздашь все деньги свои здесь бедным, то и обретёшь сокровище на Небесах, и будешь поставлен, как воин Христов, на Божественное довольствие.

Но ты можешь поступить и иначе. Сейчас на кораблях в город Тир приплывают паломники, желающие попасть в Вифлеем на Рождество. Я для того и пришёл сюда, чтобы стать им проводником. Вот если и ты пойдёшь с нами в Вифлеем на Рождество, то сможешь там отдать своё золото в дар Младенцу-Христу… В Вифлеемском монастыре Вертепа Господня на золото отца Григория было начато строительство большой гостиницы для паломников. И сейчас она всё ещё строится.

На это Марк тихо улыбнулся, поднял руку с монетами и сказал:

– Вот три намисмы в моей руке, полученные за доспех, и ещё две намисмы у меня были. Спасибо, брат, за совет! Все пять намисм я отнесу в дар Младенцу Христу. Пойдём, брат, давай поищем паломников…

И когда братья пришли в ту часть Рыбного рынка, где продавалась бронзовая посуда, одежда, палатки и был загон для скота – к ним сразу же подошли три мужа со стрижеными бородками. У них у всех были одинаковые серые плащи с капюшонами из хорошей ткани, серые кожаные шапочки и черные сапоги. И вот самый высокий из них приветливо сказал:

– Здравствуйте, государи! Кто же из вас Евтихий?

– Евтихий – это я, – приподнял руку Федрус.

– Уважаемый Евтихий, мы три писаря из Нового Рима, я – Мефодий, вот Агафон и Денис. Мы каллиграфы и берём заказы на изготовление копий Священного Писания. И потому мы сами желаем увидеть евангельские места. Здесь мы наняли мальчика-погонщика с двумя верблюдами, купили две палатки, и ещё хлеб и рыбу – копченую и солёную. И теперь нам нужен хорошо знающий Писание и всю Землю Святую проводник. Один торговец нам показал на вас и сказал: «Вот идёт странствующий инок Евтихий со своим попутчиком, как две капли похожим на него. Евтихий Писание точно знает. И ещё он знает много всяких историй о чудесах Божиих и сам интересно говорит».

Не возьмёшься ли ты, Евтихий, провести нас по всем евангельским местам, чтобы успеть нам в Вифлеем к Рождеству? Мы желаем увидеть Назарет, гору Фавор, Кану Галилейскую, море Галилейское и Капернаум, где изначально жил, проповедовал и совершил множество чудес сам Спаситель с Матерью своею. А ещё мы хотим пройти через окрестность Иорданскую, до горы Фавор и увидеть Солёное море. И непременно нам нужно посетить Храм Воскресения Господня в Иерусалиме.

– Я готов вам послужить, мои государи, – неторопливо ответил им Евтихий и добавил: – Но вот рядом со мною идёт мой родной брат Марк. Он тоже, как и вы, прибыл вчера из-за моря, и мы тоже решили пойти с ним в Вифлеем. Если вы согласитесь взять нас обоих на своё съестное довольствие, то я соглашусь быть вашим проводником.

Мефодий сразу же призадумался, посмотрел на своих друзей, сказал:

– Но если мы возьмем вас обоих на наше довольствие, то нам нечем будет тебе заплатить, Евтихий, за твой труд.

– А я соглашусь получить в счёт оплаты труда своего всю дорогу двойное довольствие.

На это все писари заулыбались и покивали головами.

– Но объясни прежде, Евтихий, нам притчу Христову, – сказал кудрявый Денис. При этом он достал из сумы свиток пергамента и стал с него читать: «Один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его; и, призвав его, сказал ему: что это я слышу о тебе? дай отчет в управлении твоем, ибо ты не можешь более управлять. Тогда управитель сказал сам в себе: что мне делать? господин мой отнимает у меня управление домом; копать не могу, просить стыжусь; знаю, что сделать, чтобы приняли меня в домы свои, когда отставлен буду от управления домом. И, призвав должников господина своего, каждого порознь, сказал первому: сколько ты должен господину моему? Он сказал: сто мер масла. И сказал ему: возьми твою расписку и садись скорее, напиши: пятьдесят. Потом другому сказал: а ты сколько должен? Он отвечал: сто мер пшеницы. И сказал ему: возьми твою расписку и напиши: восемьдесят. И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил; ибо сыны века сего догадливее сынов света в своем роде. И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители…»

Евтихий же потёр рукою лоб и сказал:

– Всякая притча Христова – это бездна смыслов и поучений, поскольку её сказал не человек, но Сам Бог. Где мне, и кто я такой, чтобы понять всё вложенное в неё?!… Но и я кое-что в ней вижу. И вот посудите, верно ли вижу?

Как мне видится, Бог говорит в этой притче о новом делании для спасения души человеческой. «Один богатый человек» – это Сам Бог, а управитель – это душа человеческая. Дом, которым управляет душа – это тело человека. Отставка души от управления телом – это земная смерть. Когда человек живёт скверно, то он «расточает имение Божие» в своей душе. «Что это я слышу о тебе? дай отчет в управлении твоём» – это призыв Бога к грешной душе одуматься. Душа-управитель обеспокоилась: «что мне делать?», ведь скоро Бог призовёт меня. «Копать» – ну то есть, подвизаться ко спасению – «не могу», да и молиться не умею – «просить стыжусь». Ну как же, думает она, попасть мне в селения праведных после земной жизни?

И вот управитель начинает новое делание. Различные долговые расписки людей перед Богом – это разные виды человеческих грехов. Как-то домоправитель узнал, что если кто-то объявит себя виноватым во грехе, содеянным кем-то другим, то долг согрешившего человека перед Богом уменьшается. Принятие чужого греха на себя содержит жертву. А так как сам Иисус Христос является сплошной жертвой за нас всех, то за каждую нашу жертву Он простит что-то из нашего собственного греха. «Сыны света в своем роде» – это отсылка на подвижников Ветхого Завета. «Похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил» – это значит, что Господь даровал ему Благодать большую, нежели чем давал при всяком прежнем делании.

Постойте-ка, судари! А ведь один из святых нечто подобное говорил. Должно быть, по этой самой притче. «Благодать Божья приходит, когда мы берём чужой грех на себя, считая, что это я сделал, и каясь»… А теперь посмотрите, как много и путано говорил вам я от ума своего, и как о том же, Святым Духом, сказал святой…

Писаря многозначительно переглянулись, довольно покачали головами, и Мефодий сказал:

– Хорошо, веди нас, Евтихий, вместе с братом своим, по всем дорогам Святой Земли. А ещё мы надеемся услышать от тебя много историй о чудесах Божиих в пути.

– Ну что же, государи мои, если у вас уже всё готово, то давайте прямо сейчас и отправимся в путь. Сначала мы пойдём к морю Галилейскому и посетим Кану Галилейскую, где наш Спаситель очень символично совершил первое чудо –

превратил воду в виноградное вино. Ведь вода – это символ земного испытания, а вино – это райское наслаждение…

Когда новая группа паломников Евтихия вышла из Тира, он указал на растущие на склонах холмов виноградники и сказал:

– Вот посмотрите, мои государи… Здесь созревает тот самый виноград, из которого здешние виноделы получают самое лучшее и самое дорогое в мире вино – «пылающее финикийским огнём». И такие плантации здесь по всему побережью, да и во многих селениях Святой Земли они тоже есть. Здешние виноделы говорят, что Бог дал людям виноградную лозу для утешения в земной жизни. Виноградные грозди богаты сладким соком, необходимым для изготовления вина, а если размять немного виноградных зёрен, то получается прекрасная закваска, которая сразу же сбраживает виноградный сок. Для получения хорошего вина после сбраживания оно должно постоять в амфорах в прохладном месте много лет. Но если вы попробуете сами сделать вино, то оно у вас не загорится в кружках, в лучах солнца, «финикийским огнём», и вряд ли будет вкусным. Местные виноделы знают много секретов его изготовления, которые они хранят в великой тайне и передают из поколения в поколение. Финикийские купцы всегда богатели на этом вине, а также на охре, которую также получают тут. Изготовление красной краски они тоже хранят в большой тайне.

Изначально Тир был построен финикийцами на побережье Великого моря, напротив одноимённого острова. Город этот имеет бурную историю, уходящую в самую глубокую древность. Он был и под владычеством хеттов, и египетских фараонов, но всегда оставался свободным для торговли. Говорят, что финикийские купцы столь прижимисты, что могут выжать выгоду даже из камня.

Из опасений перед вавилонским завоевателем – царём Навуходоносором город Тир был перенесён с побережья на одноимённый остров, располагающийся в четырёх стадиях (~800 метров) от берега, и там его обнесли крепостною стеной. Несмотря на то, что на острове нет дров и очень мало пресной воды, он сумел выдержать многолетнюю осаду Навуходоносора. Но позже, после семимесячной осады, город Тир был захвачен другим великим завоевателем – Александром Македонским. Тогда по его приказу до острова была сделана насыпь. Позже ту насыпь сначала разрушили, а потом её вновь отсыпали и расширили. Так Тир оказался на полуострове, далеко вдающемся в море. С тех пор в его Северной и Южной гаванях всегда стоит великое множество торговых кораблей. А очень смекалистые тирские купцы для их удобной погрузки и выгрузки повсюду построили надёжные каменные причалы…

Первая христианская Церковь в городе Тире была основана сразу после избиения камнями первомученика Стефана. Иисус Христос с учениками своими в сам город Тир не входил, но прошёл рядом с ним. В этих местах Он исцелил очень много больных. Узнав о тех чудесах, одна хананеянка – вот с того места, где наш тракт начинает подъём в гору, – прокричала Иисусу Христу:

– «Помилуй меня, Господи, Сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется!»

– «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева», – сказал Он.

– «Господи, помоги мне!» – кланяясь, говорила она Ему.

– «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам…»

– «Так, Господи! » – сказала она, – «но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их».

– «О женщина! Велика вера твоя. Да будет тебе по желанию твоему…» – сказал ей в ответ Иисус. И вот её дочь исцелилась в тот час…

А вон там, где подъём кончается, за тем вот холмом, есть поляна, очень удобная для ночлега. С неё открывается прекрасный вид и на всё море, и на эту округу. А когда на небе сияют звёзды, то если встать на краю той поляны, то тебе покажется, что ты стоишь на самом краю Земли. Ведь там звёзды сияют и над тобою, и перед тобою, и даже, будто бы, под тобою… Прошлую ночь мы с Марком ночевали там и удостоились увидеть прекрасный морской закат. Я предлагаю вам, государи мои, сделать наш первый долгий привал именно там.

У той дубовой колоды, где Евтихтий и Марк провели прошлую ночь, все путники дружно развьючили двух верблюдов, поставили две шатровые палатки и развели огонь. Когда травяной настой в новом бронзовом котле закипел, все они расселись на траве подле двух блюд с тирскими хлебами и копченой рыбой. Каждый ел столько, сколько хотел, и потом все они пили душистый настой, макая хлеба в мёд.

В тот вечер закат над морем был особенно красив, так как далёкие облака по краям своим сияли золотом на жарком малиновом небосводе.

И уже в ночи, когда дубовые сучья лизали и лизали языки алого пламени и те мерно потрескивали, кудрявый Денис повернулся к проводнику и спросил:

– Скажи мне, Евтихий, а почему Иисус Христос был с той хананеянкою так строг? И как понять Его слова: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева»?

– Тут дело в том, мои государи, что в те давние времена одни только дети Израиля имели правую веру, – ответил тот. – Через пророка Моисея и других еврейских пророков им было сказано, что без Бога все они погибают, и что их спасёт только Христос. Хананеи же уже давно отпали от Единого Бога и стали язычниками. Язычество – это самая неправая вера, потому что люди, принявшие её, вместо Бога почитают падших ангелов, предавших Бога. О том, что люди опасно ходят и могут погибнуть не только телом, но и душою, падшие духи помогли хананеям забыть.

– Ну а как нам, людям, узнать, какая вера правильная?

– Спаситель наш сказал так: «Я то и есть»! И потому всем тем, кто уверовал во что-то отличное от апостольского христианства – Бог Благодати своей не даёт. А без приобщения к Благодати спастись невозможно.

Люди обычно думают, что все мысли, витающие в их головах, – их собственные. Но это не так. Очень много лукавых мыслей, с первого взгляда хороших, но влекущих нас в погибель, да и доводов в пользу ересей тоже, в наши головы всевает сам враг. Какие помыслы принять к исполнению, а какие отвергнуть – каждый решает сам, исходя из устроения своего. И на это святые нам говорят: «Каждая неправильная мысль, принятая за правду, сначала приводит к смерти земной, а потом и к духовной».

При пострижении в иноки настоятель Вифлеемского монастыря благословил меня послужить келейником у досточудного аввы Мосха. Мне посчастливилось пожить вместе с ним две недели в одной келье и потом с ним пройти ещё три пути. Вот, как сам он поучал нас о правой и неправой вере.

«К великому пред Богом старцу, жившему в пещере, в лавре Каламонской, пришел некий брат, чтобы спросить о блудных помыслах. И старец наставил его.

Тогда брат поблагодарил его, и с болью сказал:

– Я бы остался с тобою, отец мой, навсегда! Но я нахожусь в общенье с несторианами.

Старец же сразу стал ему говорить:

– Оставь несторианскую ересь, брат, порочащую Пресвятую Богородицу! Присоединись ко Святой вселенской апостольской Церкви! Нельзя спастись, неправильно веруя!

– Отче!! – взмолился тот. – Да ведь все говорят так – если не будешь общаться с нами, то не спасешься! Помолись за меня ко Господу, отец, чтобы Он показал

мне, какая вера истинна.

Старец обрадовался той просьбе и пошёл к Солёному (Мертвому) морю молиться.

Наутро тому брату явился некто страшный, взял его и привёл в место мрачное и смрадное. Там в огне он увидел Нестория и Феодора, моего несчастного одноимённика Евтихия и Аполлинария, Евагрия и Дидима, Диоскора и Севира, Ария и многих других еретиков. И ему тот страшный сказал:

– Познай истину! Вот место, уготованное всем еретикам – и тем, кто нечестиво учит, и равно тем, кто следуют их учениям. Если ты не желаешь быть в этом месте, то обратись к Святой апостольской Церкви, к которой принадлежит молящийся за тебя старец… Я говорю тебе! Если и всеми добродетелями украсится человек, но неправо верует, то он попадет в это место!!

Увидев всё это сам, тот брат пришел в себя и остался жить со старцем.

– А кто был тот страшный, что взял брата? – подперев рукою голову, спросил кудрявый Денис.

– Кто же ещё? Да конечно – святой ангел. Святость Божьего Мира непомерно велика для нас падших. И потому, когда отверзается незримая дверь в Небо, то грешная человеческая душа приходит в священный трепет. А увидев великое ангельское совершенство, человек ужасается из-за того, что осознаёт рядом с ним своё ничтожество. Вот потому все ангелы нам и говорят: «Не бойтесь!» Тот ангел показал заблудшему брату ад.

«Чем же неправые отличаются от правоверных?» – можете вы спросить. Все правые исповедуют только то, что дал людям Сам Бог, а все неправые почитают за истину некое смешение добра и зла, что является перед святостью Бога нечистою.

И здесь есть ещё одна важная деталь, на которую я всем внимание обращаю. Сами ангелы не говорят людям ничего. А если уж ангел что-то сказал, то это значит, что это захотел сказать человеку Сам Бог. Вот посмотрите, как тот ангел заблудшему иноку сказал: «Я говорю тебе! Если и всеми добродетелями украсится человек, но неправо верует, то он попадет в это место!!» Все ангелы – это само смирение, и потому ни один из них не может сказать: «Я говорю тебе!»

Так авва Иоанн Мосх, со слов другого старца, рассказал нам следующее.

Был старец, столь святой и чистой жизни, что когда он совершал святую литургию, то часто видел ангелов, стоящих справа и слева от алтаря. Усвоив у еретиков чин службы и будучи сам несведущ в божественных догматах, он, по

простоте и не злонамеренно, во время службы говорил не то, что должно, не сознавая своей ошибки.

По Промыслу Божию, к нему пришел брат, сведущий в догматах, в сане диакона, и сказал: «Отче, то, что ты сказал во время священнодействия, несогласно с православной верой, но заимствовано у еретиков». По обычаю видя ангелов, старец сначала не поверил ему, но потом, всё же, у них спросил:

– Вот что говорит мне диакон. Правда ли это?

– Послушайся его: он правильно говорит, – сказали ему ангелы.

– Почему же вы не сказали мне этого?

– Бог так устроил, чтобы люди были исправляемы людьми же, – ответили они.

Вы видите, мои государи? Господь Бог не желает, чтобы нас – людей наставляли ангелы. Всё в нашем мире Он устраивает Сам по промыслу своему. Вот каков Бог наш! Он всемогущ, всё знает наперёд и может Сам наставлять всех людей одновременно. А вразумляет Он нас по-разному: чаще всего через других людей, и только в особых случаях через ангелов.

Авва Григорий, пресвитер киновии Схолариевой, сказал нам, что у них в келиях жил старец – великий подвижник. Он был прост в вере и без разбору причащался, где придется. Однажды явился ему ангел Божий.

– Скажи мне, старец: если ты умрешь, как желаешь ты быть погребенным? Так ли, как погребают египетских иноков, или – как иерусалимских?

– Не знаю, – отвечал старец.

– Смотри, – сказал ангел, – я приду к тебе чрез три недели – и ты дашь мне ответ.

Старец отправился к другому старцу и рассказал ему то, что слышал от ангела. Тот выслушал, изумился и спросил старца:

– Где ты причащаешься святых Таин?

– Где придется…

– Смотри – не причащайся нигде вне святой кафолической и апостольской Церкви, в которой прославляются четыре святых собора: Никейский, Константинопольский, первый Ефесский и Халкидонский. И вот – когда придет ангел, скажи ему: «Желаю быть погребенным по иерусалимскому обычаю».

По прошествии трех недель пришел ангел и спросил старца:

– Ну что же, старец? Надумался ли?

– Желаю быть погребенным по-иерусалимски, – отвечал старец.

– Хорошо, хорошо! – сказал ангел. И старец тотчас предал душу Богу.

Все это произошло, чтобы старец не потерял своих подвигов и не был осужден с еретиками. Ведь в великих египетских пустынях сейчас распространились ереси, и иные иноки стали жить как миряне – с дорогой посудой, хорошей мебелью и с картинами на стенах.

А ещё в лавре Каламонской один пресвитер рассказал нам о несторианской ереси следующее.

– Однажды я увидел во сне величественную Жену, облаченную в порфиру, и двух мужей, сияющих святостью и достоинством. Все они стояли у моей кельи. То была Владычица наша Богородица со святыми – Иоанном Богословом и Иоанном Крестителем. Я стал просить Владычицу сотворить молитву в моей келье. Но Она не соизволила. А я не переставал умолять Её, говоря:

– Да не буду я отвержен, унижен и посрамлен, и многое другое.

– У тебя в келье – Мой враг! Как же ты желаешь, чтобы Я вошла?! – сурово сказала мне Она и удалилась.

Я пробудился и стал скорбеть. После долгого испытания я не нашел в себе никакого прегрешения против Неё. Погрузившись в печаль, я стал читать книгу. То было писание блаженного Исихия, пресвитера иерусалимского. В самом конце её я нашел два слова нечестивого Нестория, и тотчас понял, что вот он – враг Пресвятой Богородицы. Немедленно я отнёс эту книгу её владельцу.

– Возьми, брат, свою книгу. Она принесла мне больше вреда, чем пользы, – сказал я ему и рассказал свой сон.

Владелец той книги немедленно вырезал ножом из неё два слова Нестория, предал их огню и сказал:

– Да не останется и в моей келье враг Владычицы нашей Пресвятой Богородицы!

А вот что мне довелось узнать о ереси Севира.

– Есть в Новом Риме, как раз посредине между святой Софией и святым Фавстом, гостиница. Однажды её гостинник просил авву Феодула на несколько дней его

заменить. Авва Феодул нашел в ней инока, родом сирийца, у которого ничего не было, кроме власяницы, плаща и нескольких хлебов. Стоя в одном углу, он проводил день и ночь в песнословии Богу и ни с кем не говорил.

В воскресный день авва Феодул говорит ему:

– Брат, не сходишь ли ты ко святой Софии, чтобы причаститься святых и божественных Таин?

– Нет! – ответил он.

– Отчего же?

– Я принадлежу к последователям Севира и не состою в общении с Церковью.

Видя его добродетель и услышав такое, Феодул пошел в свою келью и, пав на лице пред Богом, три дня молился со слезами: «Господи Христе, Боже наш, преклонивый небеса по неизреченному и бесконечному человеколюбию и сошедый нашего ради спасения, воплотивыйся от Владычицы Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, открой мне: кто истинно и прямо верует, мы ли, чада Церкви, или последователи Севира?»

На третий день кто-то незримый сказал ему:

– Иди, Феодул, и увидишь веру его.

В то утро тот инок всё так же стоял и пел песнопения Богу. Авва сел рядом и около часа смотрел на него. И вот, Бог свидетель! Авва увидел голубя, парящего над главою инока, почерневшего как бы от сажи в трубе, истрепанного и безобразного. Тогда он понял, что явившийся ему черный и безобразный голубь и означает их веру…

Уже ночь, судари, что вы желаете – послушать ли меня ещё, или идти к палаткам и отдохнуть?

– Я бы ещё послушал тебя, Евтихий, – сидя на другом бревне за костром, задумчиво сказал смуглый Агафон.

– А я бы и до утра послушал, – тем же тоном добавил кудрявый Денис.

– Ну, хорошо… Жили в тридцати милях от киликийского города Эгов два столпника, в шести милях один от другого. Один из них принадлежал к Святой апостольской Церкви, а другой был последователем ереси Севира. Православный подвижник, как бы озаренный свыше, просил еретика прислать ему частицу причастия. Тот обрадовался и немедленно послал ему просимое.

Православный раскалил сосуд до жара пылающего и положил в него частицу, присланную еретиком. И она тут же сгорела. Затем он положил туда частицу святого православного причастия. Раскаленный сосуд мгновенно охладился, и это причастие осталось целым и невредимым. Православный столпник хранил эту частицу у себя и благоговейно показал её авве Мосху и спутнику его, когда они были у него…

Вот видите, судари, для того, чтобы православный столпник не впал в ересь, Бог попустил сгореть нечестивому причастию, и сделал так, что истинное причастие не сгорело. И вот ещё одна история о столпнике.

Блаженный Ефрем, патриарх антиохийский, был пламенным ревнителем православной веры. Услышав об одном столпнике в области города Иераполя, что он принадлежит к числу последователей Севира и акефалов, отправился, чтобы вразумить его. Прибыв к столпнику, он начал его убеждать и молить, чтобы он прибег к апостольскому престолу и вступил в общение со святой апостольской Церковью.

– Я не вступлю в общение с собором без особенного основания, – отвечал столпник.

– Какого же доказательства ты желаешь от меня для убеждения в том, что, по благодати Иисуса Христа, Господа Бога нашего, святая Церковь свободна от всякой нечистой примеси еретического учения? – спросил его дивный Ефрем.

– Господин патриарх, – сказал столпник, – разведем огонь и войдем вместе в пламя. Кто выйдет невредимым, тот и будет православным, и мы должны будем последовать ему.

– Следовало бы тебе, чадо, послушаться меня, как отца, и ничего более не требовать, а ты потребовал от меня того, что выше моих слабых сил, – возразил патриарх. – Впрочем, я уповаю на милосердие Сына Божия, что ради спасения души твоей исполню и это.

И немедленно чудный Ефрем обратился к предстоявшим со словами: «Благословен Господь! Принесите дров». Дрова были принесены. Патриарх зажигает их пред столбом и говорит столпнику: «Сойди со столба и, согласно твоему решению, войдем оба в пламя». Столпник был поражен твердым упованием патриарха на Бога и не соглашался сойти.

– Не ты ли сам пожелал этого? – спросил патриарх. – Отчего же теперь не хочешь исполнить?

Сказав это, патриарх снял с себя омофор и, близко подойдя к пламени, вознес молитву: «Господи Христе, Боже наш, благоволивший ради нас воистину воплотиться от Госпожи нашей Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, Сам укажи нам истину!» И, окончив молитву, бросил свой омофор в средину пламени. Пламя пылало около трех часов. Дрова все сгорели, а омофор оказался целым и невредимым, без всякого даже знака от пламени. При виде этого столпник, уверившись в истине, умилился, проклял Севира и ересь его и присоединился к святой Церкви. Приобщившись святых тайн из рук блаженного Ефрема, он прославил Бога.

На острове Кипр есть монастырь Страннолюбцев. Авва Иоанн Мосх со спутниками нашли в нём инока родом из Милета, по имени Исидора. Тот инок всё время плакал с воплями и рыданиями.

Спутники аввы много раз просили его, чтобы он хоть немного престал от плача, но тот всё рыдал и говорил всем:

– Я столь великий-великий грешник, какого не было от Адама до сего дня!

– Правда, отче, – сказал авва Иоанн. – Мы все – грешники. Кто без греха, кроме одного Бога?

– Поверьте мне, братия, – отвечал инок, – ни в Писании, ни в Предании, ни между людьми я не нашел грешника, подобного мне, и греха более тяжкого. Вот послушайте и помолитесь обо мне.

– В мирской жизни я был женат. Мы с женою принадлежали к секте Севира. Однажды я узнал, что она ушла к соседке, чтобы вместе причаститься. А соседка принадлежала к Святой апостольской Церкви. Я бросился туда. Войдя в дом, я увидел, что жена уже принимает святое причастие. Тогда, схватив её за горло, я заставил извергнуть святыню. Подняв святое причастие, я стал бросать его в разные стороны, и оно упало в грязь. И тогда молния перед моими очами мгновенно восхитила его с того места... Прошло два дня, и вот я вижу эфиоплянина, одетого в рубище.

– Я и ты – мы оба – осуждены на одинаковую кару, – сказал он.

– Но кто ты? – спросил я.

– Я тот, кто ударил Творца всех – Господа нашего Иисуса Христа по ланите во время Его страданий, – ответил мне эфиоплянин.

– Вот почему я не могу перестать плакать...

А вот что узнал авва Мосх от пресвитера Анастасия Иерусалимской церкви святого Воскресения Христа, Бога нашего.

Однажды в ночь под воскресенье Космиана, жена патриция Германа, пришла одна, желая поклониться святому и животворящему гробу Господа нашего Иисуса Христа. Она уже приблизилась к вратам святилища. И вот ей навстречу явилась видимым образом наша Владычица Пресвятая Богородица в сопровождении других жен.

– Ты не принадлежишь к нам, не наша, поэтому и не входи сюда, – сказала Богоматерь. Космиана, действительно, принадлежала к секте Севира. На настойчивые мольбы о дозволении войти ко святому гробу Богоматерь отвечала:

– Поверь мне, женщина, что ты не войдешь сюда, если не присоединишься к нам.

Поняв, что ересь возбраняет ей доступ к святыне, Космиана позвала диакона. Когда тот пришел со Святою Чашею, и она причастилась святого Тела и Крови великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, то удостоилась поклониться и святому животворящему гробу Господа.

Помолчав немного, Евтихий пояснил:

– Когда кто сам в себе смешает правду и неправду о Господе, то тогда в нём и только в нём райское вино Каны Галилейской превратится в уксус распятия. Всем тем, кто неправо веруют – Бог Духа Святого не даёт. А без Благодати Божьей ни спастись и ни сотворить никакого чуда – невозможно… И потому все лжеучители обманывают людей, ищущих спасения, одними жестами, улыбками, и языком…

На другой день, когда Евтихий с братом Марком, тремя писарями и погонщиком с двумя верблюдами снова вышли на торговый тракт, Мефодий зашагал рядом с проводником и спросил:

– Уважаемый Евтихий, а верно ли говорят, что громы – это глас Бога?

– Да, так говорят, – качнув головою, ответил тот и добавил: – Когда великий Апостол Иоанн Богослов записывал Откровения Божьи в своей пещере на острове Патмос, то ему о войнах самых последних времён рассказали громы. А сила вокруг него собралась такая, что даже скала треснула. Мы же, обычные люди, языков громов не понимаем. Но вот Григорий, человек христолюбивый и богобоязненный, бывший начальник одной из африканских провинций, рассказал нам следующее.

На его родине, в сирийской провинции Апамее, есть местечко, называемое Гонаг. В его окрестностях дети пасли скот. Однажды кто-то из них предложил поиграть «в церковное собрание» и отслужить обедню. Все дети с ним согласились. Один мальчик, хорошо знавший слова молитв, был поставлен священником, а два других – диаконами. Прямо на поляне дети нашли большой гладкий камень и начали игру. И вот на тот камень, как на жертвенник, они положили хлеб и поставили в кувшине вино. Мальчик, избранный священником, встал пред жертвенником и начал произносить молитвы святого возношения. А диаконы, тем временем, махали поясами.

Когда всё было устроено по церковному чину, и настал черёд приступить к раздроблению хлеба, то вдруг с неба ниспал огонь. Он испепелил всё, что приносилось на камне, и сам камень, не оставив от него и следа. От того дети упали в страхе и не могли ни встать, ни закричать. Родители нашли их распростертыми на земле. На другой день ребятишки пришли в себя и рассказали, что они делали и что случилось. Их родители сообщили об этом епископу.

Епископ тот час же со всем клиром отправился на место происшествия. Увидев следы небесного огня и расспросив обо всём детей сам, он назначил их всех в иноки. На том самом месте он устроил монастырь, ставший впоследствии знаменитым. Там, куда ниспал небесный огонь, был поставлен святой жертвенник и устроен Храм. Господин Григорий сам видел в том монастыре одного из тех мальчиков.

Очень похожий случай произошёл в древнем мире. Когда старшие сыновья Адама и Евы – Каин и Авель принесли на гладких камнях свои жертвы Богу, то с неба тоже ниспал огонь и испепелил и жертву, и жертвенник Авеля…

А вот что нам известно из записей церковного историка Руфина, из прежнего времени, о другой игре детей «в Церковь». Однажды святой Александр, папа Александрии, взглянул на море и увидал на берегу его по обыкновению играющих там детей. В тот день они представляли епископа и всё, что обычно по чину совершается в Храме. Присмотревшись же к игре их, папа Александр вдруг увидел, что некоторые таинства у них совершаются со снисхождением Божественной Благодати. Пораженный этим зрелищем, он тотчас же созвал духовенство и послал найти тех детей.

Когда детей привели, то святой Александр стал их расспрашивать, что они делали. Ребятишки перепугались и чистосердечно рассказали ему обо всем. Как оказалось, мальчик Афанасий, которого дети поставили епископом, тогда огласил некоторых мирян, и другие дети, избранные в клир, окрестили их. Узнав,

что то крещение было проведено в точности по чину Богослужения, папа Александрии постановил: «Вторично таинство святого крещения над окрещёнными не совершать». Тех же детей, что представляли в игре диаконов и священников, он посвятил пред лицом Бога на служение Церкви, и с тех пор они содержались на её средства.

Далее историк Руфин пишет, что тот мальчик Афанасий, сыгравший на берегу моря роль епископа и затем живший при святом Александре, – обогатился с юных лет благодатными дарами. Подвиги и борьба его против еретиков за Церковь Христову были столь велики, что во вражде к нему соединилась вся вселенная! И цари земные, и царства, и воинства поднялись на него! Дела его были так славны, что величие их не позволяет ни о чем умолчать, и столь многочисленны, что разум теряется, о чём рассказывать…